

Научная статья
УДК 811.161.1'367.623
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-45-56

ЭКСПРЕССИВНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДИКАТИВОМ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (А. АХМАТОВОЙ, С. ЕСЕНИНА И В. МАЯКОВСКОГО)

Козловская А. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: agafonova_2008@bk.ru

Поступила в редакцию 23.10.2024

После доработки 15.11.2024

Принята к публикации 18.11.2024

Аннотация

Цель. Исследовать и описать функциональные особенности личных и безличных предикативных конструкций с семантикой душевного состояния и оценки, в том числе в составе риторического высказывания.

Процедура и методы исследования. Методом нацеленной выборки собран языковой материал на основе поэзии А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского. В качестве методов анализа использованы лексикографический и функционально-семантический.

Результаты. Исследование показало, что предикатив составляет смысловой центр высказывания и позволяет автору максимально полно и ёмко выразить свои эмоции, душевное состояние, дать оценку предмету или явлению, а в сочетании с дистрибутивными словами сделать поэтический текст экспрессивным.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют раскрыть экспрессивно-выразительный потенциал предикатива, дополняют сведения о художественном языке А. Ахматовой, С. Есенина, В. Маяковского, а также могут быть использованы при работе с поэтическими текстами других авторов Серебряного века. Обобщение нового материала по исследуемой теме позволило ввести в научный оборот понятие *анимистические предикативы*.

Ключевые слова: анимистический предикатив, дистрибутивные слова, душевное состояние, оценка, предикатив, риторическое высказывание, Серебряный век, эмоции, экспрессия

Для цитирования:

Козловская А. А. Экспрессивно-выразительный потенциал конструкций с предикативом в поэзии Серебряного века (А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского) // Отечественная филология. 2025. № 2. С. 45–56. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-45-56>

Original research article

THE EXPRESSIVE POTENTIAL OF PREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN POETRY OF THE SILVER AGE (A. AKHMATOVA, S. ESEININ, V. MAYAKOVSKY)

A. Kozlovskaya

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: agafonova_2008@bk.ru

Received by the editorial office 23.10.2024

Revised by the author 15.11.2024

Accepted for publication 18.11.2024

Abstract

Aim. To study and describe functional features personal and impersonal predicative constructions with semantic of mental state and evaluation, including them as part of rhetorical expressions.

Methodology. The linguistic material from the poetry of A. Akhmatova, S. Esenin and V. Mayakovsky was collected and analysed by using the targeted sampling method. Lexicographic method, functional and semantic method as methods of analysis were also used.

Results. The research revealed that the predicative makes the semantic center of statement, allowing the author to express most fully and capaciously his feelings, state of mind, to evaluate the object or phenomena, to turn poetic text into expressive in combination with distributive words.

Research implications. The study results allow to discover expressive potential of predicative, expand the information about pictorial language of A. Akhmatova, S. Esenin, V. Mayakovsky and can be used for working with poetic texts of other authors of the Silver age. Synthesis of new material on the studied topic allows to re-introduce into scientific turn the animistic predicative notion.

Keywords: animistic predicative, distributive words, state of mind, evaluation, predicative, rhetorical statement, Silver Age, emotions, expression

For citation:

Kozlovskaya A. A. (2025). The Expressive Potential of Predicative Constructions in Poetry of the Silver Age (A. Akhmatova, S. Esenin, V. Mayakovsky). In: *Russian Studies in Philology*, 2, pp. 45–56. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-2-45-56>

Введение

Художественный язык начала XX в. привлекает исследователей своей экстраординарностью и новизной. Поиск новых языковых методов для самовыражения, смелые эксперименты в словотворчестве особенно затронули поэзию. «Словотворчество по своей сути есть нарушение языковой нормы путём расширения границ узуального лексикона и изменения действия грамматического закона» [1, с. 183]. Поэты-модернисты разработали собственную философско-эстетическую концепцию, ставшую основой для создания многообразных стилей и направлений русской литературы Серебряного века: «все они развивались в одном общем стиле модернизма, цель которого – создание новой поэтической культуры, способной духовно возродить человека и преобразить этот мир» [2, с. 10] Наибольший интерес для нас представляет творчество А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского, поскольку каждый из них выступил новатором в области поэтического языка таких литературных направлений, как акмеизм, имажинизм и футуризм.

Основное содержание исследования составляет рассмотрение личных и безличных конструкций с предикативом с семантикой душевного состояния и оценки, в том числе в составе экспрессивной синтаксической единицы – риторического высказывания, для выявления которых был использован метод нацеленной выборки, составлена и изучена картотека по исследуемой проблеме, проведён литературоведческий анализ особенностей эпохи Серебряного века, её влияния на формирование идиостиля данных авторов.

Функционально-семантический подход в изучении предикативных конструкций позволяет расширить представление о функционировании предикатива в структуре поэтического текста, его экспрессивно-выразительном потенциале. Обращение к лексикографическим источникам даёт возможность разносторонней интерпретации семантики предикатива, что способствует более детальному анализу как личных, так и безличных предикативных конструкций.

О предикативе

Предикатив – «гибридная» часть речи, совмещающая в себе признаки глагола и имени прилагательного, «с собственным категориальным значением *состояния*» (выделено автором. – А. К.) [3, с. 49]. В предложении предикатив может быть реализован в двух конструкциях: личной (*девочка грустна*) и безличной (*девочке грустно*). «Вопрос о частеречном статусе предикатива уже на протяжении многих лет вызывает много споров среди исследователей. Безличную форму предикатива часто называют категорией состояния, а личную – кратким прилагательным» [4, с. 104]. Термин «предикатив» для обозначения новой части речи был предложен и обоснован П. А. Лекантом, частеречному статусу предикатива посвящено очень глубокое исследование М. В. Дегтярёвой, об экспрессивно-выразительных возможностях предикатива в условиях художественного текста пишет Д. А. Савостина. «Семантика предикативов раскрывается в предложении, зависит от способа реализации предикативной функции, ... соответственно следует выделить два разряда: а) предикативы *состояния*, б) *модально-оценочные предикативы*» [3, с. 15]. Важно отметить, что группа *модально-оценочных предикативов* граничит с особым разрядом «приинфинитивных» *оценочных предикативов* (*хорошо, приятно, плохо, скверно* и т. п.), которые употребляются совместно с инфинитивом глагола [5, с. 16]. В соответствии с тем, что «лексическое многообразие и многозначность предикативов обуславливает, “навязывает” совмещение, переплетение модальных и оценочных значений» [5, с. 17], мы выделили ещё одну группу – эмоционально-оценочные предикативы.

В статье рассматриваются тексты с примерами использования предикативных конструкций с семантикой *душевного состояния* и *эмоционально-оценочные*.

Особенности употребления личных и безличных конструкций предикатива с семантикой душевного состояния

Эмоции, душевное состояние – это важные составляющие человеческой жизни, а современная наука о русском языке проявляет особое внимание к человеческой личности говорящего как субъекту речевой деятельности: «главной фигурой речевого акта, “творцом” высказывания является говорящий» [6, с. 9]. Автор художественного текста, в особенности поэтического, создаёт в своём произведении эмоциональную картину мира, ведь лирика – это своеобразный синтез внутреннего мира человека, отражение его души, которую мы воспринимаем как «невидимый орган, локализованный где-то в груди и “заведующий” внутренней жизнью человека» [7, с. 136–137]. У каждого человека есть своя душа, уникальная и неповторимая, она есть «*вместилище внутренних состояний*» (выделено автором. – А. К.). [7, с. 138].

Степень проявления душевного и эмоционального состояния может быть разной и зависит от «эмотивной компетенции» автора, связанной с его способностью «использовать систему разноуровневых эмотивных средств данного языка и стилистических приёмов для отражения в тексте своей индивидуальной эстетической концепции» [8, с. 184].

Употребление предикативных конструкций с семантикой душевного состояния в поэтическом языке А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского весьма продуктивно. Используя качественную семантику предикатива как ведущий принцип создания классификации, мы можем выделить две основные группы – *анимистические* и *эмоционально-оценочные предикативы*.

«**Анимистическими**» (от лат. *anima*, *animus* – ‘душа’ и ‘дух’¹) мы назвали уникальную группу предикативных конструкций, в которых состояние души ин-

¹ Animus // Academic.ru. Латинско-русский словарь: [сайт]. URL: <https://translate.academic.ru/animus/la/ru/> (дата обращения: 15.06.2024).

терпретируется нами «как качественное “абсолютное”» [9, с. 52]; обязательным в таких конструкциях является наличие локатива *душа* в сочетании с предлогами *на* или *в* (*на душе, в душе*). «Именно локализация (будь то в ментальном или физическом пространстве) задаёт границы самого феномена, а значит, служит основой оформления этого феномена на уровне словаря» [10, с. 67].

Употребление анимистических предикативов характерно именно для безличных конструкций, преимущественно с положительной семантикой: *Загорелась кровь Жарче дня и огня. И светло и тепло На душе у меня*¹; *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. / Только мне не плачется – на душе светло*²; *Я вложила в тихое слово / И сказала его – напрасно. / Отошёл ты, и стало снова / На душе и пусто и ясно*.³ Предиктив *светло* – излюбленная лексема С. Есенина, вместе с безличным предикативом *тепло* употребляется в переносном значении, выражая позитивное состояние внутренней гармонии, ясности, душевной безмятежности: *светло* – «перен. о радостном состоянии духа (поэт.)»⁴ и *тепло* как производное от *тёплый* – «перен. дающий внутреннее ощущение теплоты, согревающий душу (поэт.)»⁵.

Предикативы *пусто* и *ясно* (в том же значении, что и *светло*) как контекстные синонимы также выражают значение спокойствия, причём предыдущее предложение указывает на резкую смену тревожного состояния лирической героини на спокойное, умиротворённое. Переживания отступили, поэтому сознание прояснилось; душа успокоилась, но она не опустошена, не обессилена, этот

долгожданный покой несёт в себе гармонию и свет. Искусный, лаконичный выбор «нужного» слова поэтом – это особенность акмеизма, ярким представителем которого была А. Ахматова: «поэзия акмеизма более конкретна, полна потока сознания» [11, с. 181].

Интересна для рассмотрения безличная конструкция с компаративом с отрицательной коннотацией: *В тебе надежды наши / Не сбьлись, / И на душе / С того больней и горьше*.⁶

Состояние глубокой разочарованности, душевной боли лирического героя выражают предикативы в сравнительной степени *больней* и *горьше*, а локатив *на душе* подчёркивает это состояние. Необычным для данной конструкции является использование поэтом диалектизма *горьше* – производное от *горший* (ср. *горький* – *горче*): «нареч. южн. (*горе, горький*) хуже, плоше, тяжелее»⁷; близкое по употреблению в значениях «причиняющий, вызывающий горе, огорчения»⁸ и «вызванный горем; выражающий огорчение, горечь (в 3 знач.)».⁹

Использование С. Есениным народных слов в художественном тексте подчёркивает его индивидуально-авторский стиль: «...диалектная лексика в его произведениях – явление осознанное и мотивированное; ... поэт в стихотворениях использует подлинные диалектные формы сравнительной степени» [12, с. 7–8].

В качестве «усилителей» душевного состояния мастер слова может добавить в конструкцию с предикативом интенсификатор *так*, метафоры и сравнения: *В моей душе так было гулко / В пелёнках камня и кремней. / На каждой ленте переулка / Стонал коровий рёв теней*.¹⁰

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 122.

² Там же. С. 12.

³ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. С. 65.

⁴ Светло // Большой толковый словарь русского языка. Д. Н. Ушаков: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/светло> (дата обращения: 15.06.2024).

⁵ Тёплый // Большой толковый словарь русского языка. Д. Н. Ушаков: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/тёплый> (дата обращения: 15.06.2024).

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 199.

⁷ Горше // Толковый словарь живого великорусского языка. В. И. Даль: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/dal/горше> (дата обращения: 15.06.2024).

⁸ Горький // Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС): [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/mas/горький> (дата обращения: 15.06.2024).

⁹ Там же.

¹⁰ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 409.

В данном тексте поэт использует безличный предикатив *гулко* в переносном значении: «так, что долго слышно на большом расстоянии. ... *предик.* О наличии резонанса где-либо».¹

Душа лирического героя находится в состоянии «резонанса» – напряжённого, безразмерно-обострённого; помимо интенсификатора *так*, гиперболизируют это состояние развёрнутые метафоры.

В следующих текстах *душа* из позиции локатива переходит в позицию одушевлённого субъекта.

Среди подобоных анимистических конструкций больше предикативов с негативной коннотацией, а по частоте употребления самая популярная лексема – *страшно* (*страшен*), которая выражает состояние, основанное на чувстве «страха, боязни, испытываемом кем-чем-нибудь».²

Мне страшно, – *ведь душа проходит, как молодость и как любовь*.³ Семантика безличного предикатива *страшно* усиливается сравнительными оборотами при одушевлённом субъекте *душа*, а своеобразным акцентом на этом состоянии, оформляющим смысл высказывания, является знак *тире*: «передать “пограничное” состояние души, передать противоречия внутренние и внешние, безусловно, помогает такое средство, как *тире*» [13, с. 87]. Вместо *тире* усилителями значения при безличном предикативе могут выступать градуаторы – наречия меры и степени: *А ямщик в ответ одно: «По такой метели / Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели»*.⁴

Состояние, вызванное чувством страха, может нагнетаться при помощи дистрибутивных слов: *Ты в этот дом вошёл и на*

*меня глядишь. / Страшна моей душе предгрозовая тишь. / Ты спрашиваешь, что я сделала с тобою. / Вручённым мне навек любовью и судьбою. / Я предала тебя...*⁵ В данном тексте подлежащее-словосочетание с метафорическим значением *предгрозовая тишь* подчёркивает, усиливает тревожное состояние лирической героини при дательном субъекта *моей душе*; личный предикатив *страшна* гораздо полнее и ярче выражает состояние страха, муки совести в преддверии сильной ссоры, скандала, чем, к примеру, *страшится* в альтернативной конструкции: *Моя душа страшится / боится чего-либо*.

Состояние страха в художественном тексте может быть представлено как переживание за страдания чужой души: *Но страшно мне опустошение / Твоей замученной души*.⁶

Негативное душевное состояние может быть вызвано не только страданиями или болью, но и избытком чего-либо – пресыщением: *И для пресыщенной души / Всё станет сразу так постыло*⁷ – в данном примере используется личный предиктив *постыло* в сочетании с полужнаменательной связкой *стать*. Предикатив *постыло* (от прилагательного со сниженной стилистической окраской *постылый* в значении «возбуждающий неприязнь к себе, отвращение, надоевший»⁸) употребляется с интенсификатором *так*, акцентирующим внимание читателя на негативном состоянии лирического героя, как и наречие времени *сразу*, которое фиксирует сиюминутность происходящего, обесценивание всего, что могло быть дорого и ценно душе лирического героя. Данный предикатив можно отнести к эмоционально-оценочным, поскольку в его семантике содержится оценочный компонент со знаком «ми-

¹ Гулко // Современный толковый словарь русского языка. Т. Ф. Ефремова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/gulko> (дата обращения: 15.06.2024).

² Страшно // Современный толковый словарь русского языка. Т. Ф. Ефремова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/страшно> (дата обращения: 15.06.2024).

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 444.

⁴ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 76.

⁵ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. С. 122.

⁶ Там же. С. 462.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Постылый // Толковый словарь русского языка. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/postylyy> (дата обращения: 20.06.2024).

нус»: *постыло*, то есть *плохо* (*неприятно, отвратительно*).

Предикативные конструкции с ярко выраженной экспрессией характерны для творчества В. Маяковского: «В. В. Маяковского можно назвать личностным и экспрессивным, потому что в построении поэтических высказываний чётко прослеживается авторское отношение, более того, это отношение выражается прямо и экспрессивно» [14, с. 10].

В художественном тексте – *И краске /и песне /душа глуха, / как корове / цветы / среди луга*¹ – с помощью личного предикатива *глуха* даётся негативная оценка состоянию души лирического героя. *Глуха* – значит безразлична, равнодушна к позитивной стороне жизни, а разговорно-грубоватое сравнение *как корове цветы среди луга* ещё больше усиливает отрицательную коннотацию предикатива. Этот пример подчёркивает обособленность предикатива от полного прилагательного не только на уровне грамматического значения, но и лексического. Сравним: *глухая душа* и *душа глуха*; переносное значение лексемы *глух* – *равнодушный, невосприимчивый, незаинтересованный* – не имеет аналога в полной форме.²

Эмоционально-оценочные предикативы не только выражают эмоциональное состояние лирического героя, но и содержат в своей семантике оценочный компонент со знаком «плюс» или «минус»: «*хорошее* значит соответствующее идеализированной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а следовательно, и его деятельности: *плохое* значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» (выделено автором. – А. К.) [15, с. 181].

Рассмотрим несколько ярких примеров эмоционально-оценочных предикативов, опираясь на классификацию *общеоценочных* и *частнооценочных* значений

Н. Д. Арутюновой: «первый тип реализуется прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками (*прекрасный, превосходный, великодушный, ... нехороший, дурной, поганый* и др.), ... вторая группа более обширна и разнообразна, в неё входят значения, дающие оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения» (выделено автором. – А. К.) [15, с. 198].

1. *Психологические оценки* (основаны на рационализации и осмыслении мотивов оценки) делятся на следующие подгруппы: а) *интеллектуальные оценки* (*интересный – неинтересный, умный – глупый*); б) *эмоциональные оценки* (*весёлый – грустный, приятный – неприятный*).

2. *Этические оценки* (*моральный – аморальный, добрый – злой*).

3. *Утилитарные оценки* (*полезный – вредный*).

4. *Нормативные оценки* (*правильный – неправильный, нормальный – ненормальный*).

5. *Телеологические оценки* (*удачный – неудачный*) [15, с. 198–199].

Большую часть предикативов с психологической оценкой составляют эмоционально-оценочные конструкции с негативной окраской (это обусловлено особенностями противоречивой эпохи, которая стала не только переломным моментом в судьбе русской литературы, но и в судьбах самих поэтов): *тяжко, трудно, больно, тошно, обидно, страшно, жутко, странно*.

*Вокруг тебя – и воды, и цветы. / Зачем же к нищей грешнице стучишься? / Я знаю, чем так тяжело болен ты: / Ты смерти ищешь и конца боишься*³ – при помощи личного предикатива *болен* даётся оценка состояния лирического героя, которое вдвойне усиливается интенсификатором *так* и градуатором *тяжко*. Лексема *тяжко* гораздо выразительнее синонима *тяжело* и традиционно используется в поэзии: «...об ощущении тяжести от напряжения

¹ Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 245.

² Глухой // Современный толковый словарь русского языка. Т. Ф. Ефремова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/глухой> (дата обращения: 20.06.2024).

³ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. С. 182.

душевных сил; то же, что и тяжело, но с большей выразительностью».¹

В качестве предикатива *тяжко* может употребляться в приинфинитивной конструкции с усилительной частицей: *И теперь даже стало не тяжко / Ковылять из притона в притон*.² С синонимичными предикативами в составе лексических повторов: *...Тяжко, тяжко моей голове / Опущать себя чуждым инеем. // Трудно сердцу светильником мести / Освещать корявые чащи. / Знайте, в мёртвое имя влезть / То же, что в гроб смердящий. / Больно, больно мне быть Петром, Когда кровь и душа Емельянова. Человек в этом мире не бревенчатый дом, / Не всегда перестроишь наново*.³ Необычность этого текста заключается в использовании поэтом и другой оценочной лексики: яркие сравнительные обороты содержат такие лексемы, как «*светильником мести*», «*смердящий*», «*чуждый*», что, безусловно, акцентирует внимание на крайне нервном, болезненном состоянии лирического героя.

Интересно использование предикатива *тяжко* в градационной цепочке с оценочными контекстными синонимами, в том числе и авторским окказионализмом (мёрзко, вероятно, от мёрзнуть, но похоже и на игру слов *мерзко / мёрзко*): *Глаза пролетают оконные соты, / и тяжко, / и чуждо, / и мёрзко в июле им*.⁴

Не менее яркими являются примеры использования и других эмоционально-оценочных предикативов, в том числе общеоценочного *плохо*: *На земле все люди человеки, / Чада. / Хоть одну им малую забаву. / Надо. / Жутко им меж тёмных / Перелесиц, / Назвала я этот колоб / – Месяц*⁵; *Эх, и нажрись! / Аж будет чер-*

*тям тошно*⁶; *Нашим – плохо. / Отходят наши*⁷; *Что же, / мы не виноваты – / ста миллионам / было плохо*⁸; *Но странно: / слова проходят насквозь*⁹; *Это странно, / страшно даже*¹⁰ – безличный предикатив *странно* с оттенком нормативной оценки выражает состояние удивления, недоумения, усиленное во втором примере частицей и ещё одним оценочным предикативом *страшно*.

По частоте употребления среди эмоционально-оценочных предикативов можно выделить конструкции с интеллектуальной оценкой: *Мне скучно / здесь / одному / впереди, – поэту / не надо много*¹¹; *Скучно здесь, / нехорошо / и мокро*¹²; *Не скрою, Ванечка! / скушно и нам*¹³; *Папаша, / мне скушно! / Мне скушно, папаша*.¹⁴ В данных текстах безличный предикатив *скучно* используется поэтом также в просторечном варианте с «*ин*», что добавляет высказыванию оттенок пренебрежительности или максимально приближает к живой разговорной речи, особенно в последнем примере наряду с фамильярным «папаша», лексическим повтором и восклицательной интонацией максимально подчёркивает остроту эмоционального состояния лирического героя.

Конструкции с безличным предикативом, выражающим *этическую оценку*: *Ах, подружки, стыдно и неловко: / Сердце робкое охватывает стужа*¹⁵; *Ты говоришь – страна моя грешна, / А я скажу – твоя страна безбожна. / Пускай на нас ещё лежит вина, – / Всё искупить и всё исправить можно*¹⁶. Оценочные безличные предикативы *стыдно* и *неловко* характеризуют

¹ Тяжко // Большой толковый словарь русского языка. С. А. Кузнецов: [сайт]. URL: <https://gramota.ru/meta/tyazhko> (дата обращения: 20.06.2024).

² Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 78.

³ Там же. С. 246.

⁴ Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 85.

⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 48.

⁶ Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 506.

⁷ Там же. С. 320.

⁸ Там же. С. 568.

⁹ Там же. С. 199.

¹⁰ Там же. С. 639.

¹¹ Там же. С. 253.

¹² Там же. С. 403.

¹³ Там же. С. 406.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 409.

¹⁶ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. С. 182.

негативные чувства лирической героини: стыд, стеснённость, неудобство, это пример «точечной» оценки, а личные предикативы *грешна* и *безбожна*, показанные в сопоставлении, дают оценку более масштабную, но при этом исчерпывающую (ср: *безбожная и грешная, безбожна и грешна*), что свидетельствует о самодостаточности предикатива, «избыточности» его семантики по сравнению с полным прилагательным: «формы предикатива могут быть квалифицированы как формы “избыточные”» [16, с. 106].

Особого рассмотрения заслуживают эмоционально-оценочные предикативы в составе такой синтаксической единицы, как *риторическое высказывание* (далее – РВ) – несобственно вопросительные предложения, выражающие не вопрос, а «сообщение, побуждение, эмоции, оценки» [17, с. 68], имеющие «специфические структурно-семантические особенности, оригинальные, но и типизированные модели и формы» [18, с. 111]. Исследователи часто относят РВ к экспрессивному синтаксису, поскольку «...из-за вопросительной формы сообщение или побуждение приобретает эмоционально-экспрессивный характер: позволяет говорящему выразить утверждение, отрицание, позитивные (радость, восхищение, одобрение, умиление, гордость) или негативные (опасение, возмущение, негодование, сожаление, неодобрение, упрёк) эмоции и чувства, связанные с предметом речи, высказывания» [18, с. 15].

Таким образом, РВ в отличие от собственно вопросительного предложения может реализовать в поэтическом тексте «специфические коммуникативные функции – **выражение отрицания, утверждения или субъективного размышления говорящего**» (выделено автором. – А. К.) [18, с. 24]. Соответственно, эмоционально-оценочные предикативы, являясь частью РВ, которое само по себе уже содержит эмоциональный накал, приобретают дополнительную экспрессивную окраску.

Вопросительно-отрицательные РВ содержат вопросительные местоимения, мо-

дальные частицы, мы выделим *разве* и *ли* как самые продуктивные:

*Да-да! По-моему тоже напрасно. // Разве важно, разве важно, разве важно? Что мёртвые не встанут из могил? ... Уже слышится благовест бунтов, / Рёв крестьян оглашает зенит... ... Что ей Пётр? – Злой и дикой ораве?*¹ – в этом тексте автор использует парцелляцию, намеренно выделяя сегмент с оценочным предикативом *важно*, усилив его семантику лексическим повтором и частицей *разве*, выражающей значение недоумения, резкого осуждения; заключительные РВ вносят дополнительный оттенок горечи, разочарования, акцентируют внимание на душевном надрыве лирического героя.

Частица *разве* в РВ может выражать значение уверенности в противоположном ответе как в односоставном, так и двусоставном предложении, при оценочном предикативе часто используется интенсификатор *так*: *Там за Уралом Дом. ... Разве так плохо в нём?*²; *Разве так труден Побег, Если огни не горят? Их оставалось Пять...*³; *Так и знай: обвинят в плагиате... Разве я других виноватей?*⁴ Частица *ли* в РВ выражает сомнение, догадку: *Не странно ли, что знали мы его?*⁵ Эти примеры РВ с оценочными предикативами выражают такие эмоционально-субъективные значения, как предположение, удивление, упрёк, разочарование.

А в следующем тексте оценка внутреннего состояния героини показана сквозь призму оценки внешней обстановки: *В доме не совсем благополучно: / Огонь зажгут, а всё-таки темно... / Не оттого ль хозяйке новой скучно, / Не оттого ль хозяйин пьёт вино / И слышит, как за тонкою стеною / Пришедший гость беседует со мною?*⁶ – поэтесса использует оценочный

¹ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 246.

² Там же. С. 326.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 332.

⁴ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. С. 596.

⁵ Там же. С. 548.

⁶ Там же. С. 198.

безличный предикатив *благополучно* с градуатором *не совсем*, с помощью которого показана степень проявления состояния и сглажена возможность резкой характеристики (ср.: *неблагополучно* и *не совсем благополучно*): лирический герой чувствует напряжённость, тревогу, царящие в доме, что особенно подчёркивается необычным оксюмороном: «*огонь зажгут, а всё-таки темно*». Именно неуютная, тревожная обстановка в доме становится причиной скуки лирической героини, а вопросительные РВ указывают на эту причину.

Своеобразной эмоциональной констатацией оценки являются РВ с негативно-предикативной конструкцией: *Как вам не стыдно верить нелепости?*¹; *Послушайте, господин бог!* / *Как вам не скушно / в облачный кисель / ежедневно обмакивать раздобрившие глаза?*² – частица *как* усиливает значение действия, названного инфинитивом. Эти примеры искусного использования в поэтическом тексте РВ совместно с инфинитивным оценочным предикативом позволяют мастеру слова максимально выразить нужные эмоции, в данном случае с отрицательной коннотацией – возмущение, осуждение. Подобного рода конструкции характерны для художественного языка В. Маяковского, отличающегося особой экспрессией и эпатажем.

В поэтических текстах С. Есенина и А. Ахматовой нередко случаи использования РВ с семантикой *субъективного размышления*, обычно они содержат философские размышления лирического героя о жизни и смерти, о любви, могут выражать умиротворение, светлую грусть или меланхолию и, безусловно, являются эмоционально окрашенными, а оценочные предикативы в сочетании с усилительными частицами добавляют высказыванию выразительности: *Я не знаю: конец близок ли, далёк ли.* / *Были синие глаза, да теперь поблёлки.* // *Где ты, радость? Темь и жуть, грустно и обидно.* / *В поле, что ли? В каба-*

*ке? Ничего не видно...*³; *Или дальней вестью мы утешены? / Отчего мне так легко с тобой?*⁴ Кроме того, сама «интонационная оформленность» РВ уже экспрессивна, для неё характерна «особая мелодика, динамика, эмоционально насыщенные тона» [17, с. 68].

Среди нестандартных конструкций с РВ выделим односоставные нераспространённые предложения, представленные одним оценочным безличным предикативом. Подобная яркая лаконичная форма позволяет поэту в полной мере дать оценку состояния лирического героя. Несмотря на риторический характер вопроса, после него следует своеобразный ответ-пожелание с использованием повелительного наклонения, что ещё больше подчёркивает эмоциональный пик нервно-возбуждённого состояния лирического героя: *Больно?* / *Пусть...* / *Живёшь и болью дорожась*⁵; *Безумно? Пусть будет так*⁶; или как уточнение эмоциональной констатации некоего факта: *Будет хуже. Чем хуже?*⁷ Подобные конструкции, резко и безапелляционно звучащие, очень похожи на вопросительно-восклицательные реплики, выражающие разочарование, недоумение, удивление, как, к примеру, похожая конструкция с лексемой *серьёзно* в значении модально-разговорной частицы: *Вас на фабрику свёл, каб не было поздно.* / *Буржуи на шоколад перегоняют её.* / *Но-о! / Серьёзно?*⁸

Заключение

Анализ поэтических текстов представителей разных литературных течений позволил нам прийти к выводу, что именно предикатив стал одним из самых востре-

¹ Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 67.

² Там же. С. 107.

³ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 75–76.

⁴ Ахматова А. А. Избранное. Смоленск: Русич, 2002. С. 90.

⁵ Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 215.

⁶ Есенин С. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2010. С. 302.

⁷ Там же. С. 271.

⁸ Маяковский В. В. Сочинения: 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1987. С. 511.

бованных средств создания художественного образа.

Предикатив уникален в силу своей грамматической природы. С помощью всего лишь одной конструкции (личной или безличной) можно в полной мере выразить свои эмоции, чувства, оценку, а для того, чтобы акцентировать внимание читателя на том или ином душевном состоянии, мастер слова интуитивно использовал дистрибутивные слова в качестве «усилителей» этого состояния. Основной процент таких «усилителей» составляют *интенсификаторы* (частицы *так* и *как*), *градуаторы* (наречия меры и степени) и частицы. Они способны передать интенсивность высказывания с предикативом, сделать его более выразительным. Кроме того, в поэтическом тексте всегда используется большое количество различных тропов и фигур. Предикатив, находясь в окружении развёрнутых метафор и сравнений, становится своеобразным экспрессивным ядром высказывания. А наибольшей экспрессией обладают синтаксические конструкции – риторические высказывания с предикативом, способные

передать разнообразную палитру чувств и эмоций лирического героя.

Таким образом, дистрибутивные слова, экспрессивные риторические высказывания расширяют представление о функционировании предикатива в художественном тексте.

Введение в научный оборот понятия *анимистические предикативы* даёт возможность исследовать предикативы с семантикой душевного состояния в рамках психолингвистического аспекта, что крайне важно при работе с творчеством конкретного автора, особенно, когда речь идёт о поэзии, поскольку именно лирика способна показать читателю многогранную глубину внутреннего мира поэта.

Апробация функционально-семантического анализа предикативных конструкций с семантикой душевного состояния и оценки даёт возможность использовать данный подход в изучении других семантических групп предикативов не только в поэтическом, но и прозаическом тексте представителей разнообразных литературных течений Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бышук О. П. Новообразования С. Кржижановского в контексте русского словотворчества первой трети XX века // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: материалы международной научной конференции, Москва, 24–28 мая 2007 г. М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, 2007. С. 183–191.
2. Башкова О. А. Период «Серебряного века» в русской литературе // Вестник науки. 2021. Т. 2. № 6 (39). С. 10–13.
3. Лекант П. А. Часть речи *предикатив* // Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. С. 47–50.
4. Козловская А. А. Личные формы предикатива с семантикой позитивной экспрессии в лирике А. Ахматовой // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 104–111. 10.20323/2499-9679-2021-1-24-104-111
5. Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: Московский государственный областной университет, 2015. 86 с.
6. Канафьева А. В. Грамматическое и семантическое я в риторическом высказывании // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 6. С. 8–13.
7. Шмелёв А. Д. *Дух, душа и тело* в свете данных русского языка // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 133–152.
8. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS, 2019. 206 с.
9. Козловская А. А. Выражение душевного состояния формами предикатива в лирике С. Есенина // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 5. С. 51–56.
10. Топорков П. Е. Релятивизм оценок и состояний (на материале предикативов русского языка) // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 64–74. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-64-74

11. Чжан Ц. Традиции серебряного века в поэзии Арсения Несмелова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 1. С. 178–185.
12. Осипова Е. П. Константиновский говор в поэтических произведениях С. А. Есенина как попытка создания литературного микроязыка // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 42–55. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55
13. Савостина Д. А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. М.: Московский государственный областной университет, 2010. 153 с.
14. Герасименко Н. А. Ценности Маяковского (синтаксический аспект) // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17
15. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
16. Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 162 с.
17. Канафьева А. В. Вопросительные модификации односоставных и двусоставных предложений в современном русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 67–73. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-67-73.
18. Канафьева А. В. Риторическое высказывание в синтаксическом строе современного русского языка. М.: Московский государственный областной университет, 2021. 170 с.

REFERENCES

1. Byshuk, O. P. (2007). New formations of S. Krzhizhanovsky in the context of Russian word creation of the first third of the twentieth century. In: *Linguistics and poetics at the beginning of the third millennium: materials of the international scientific conference, Moscow, May 24–28, 2007*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences Publ., pp. 183–191 (in Russ.).
2. Bashkova, O. A. (2021). The Silver Age of Russian literature. In: *Bulletin of Science*, 2, 6 (39), 10–13 (in Russ.).
3. Lekant, P. A. (2007). Part of speech predicative. In: Lekant, P. A. *Grammatical categories of words and sentences*. Moscow: Moscow State Regional University Publ., pp. 47–50 (in Russ.).
4. Kozlovskaya, A. A. (2021). Personal predicatives with the semantics of positive expression in A. Akhmatova's poetry. In: *Upper Volga Philological Bulletin*, 1 (24), 104–111. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-104-111 (in Russ.).
5. Lekant, P. A. (2015). *Analytical forms and analytical constructions in the modern Russian language*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).
6. Kanafyeva, A. V. (2014). Grammatical and semantic “self” in the rhetorical statement. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 6, 8–13 (in Russ.).
7. Shmelev, A. D. (2005). Spirit, soul and body in light of the data of the Russian language. In: Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. *Key ideas of the Russian linguistic picture of the world: a collection of articles*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., pp. 133–152 (in Russ.).
8. Shakhovskiy, V. I. (2019). *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language*. Moscow: URSS Publ. (in Russ.).
9. Kozlovskaya, A. A. (2013). Expression of state of mind by predicative forms in the lyrics of S. Yesenin. In: *Bulletin of Moscow State University. Series: Russian Philology*, 5, 51–56 (in Russ.).
10. Toporkov, P. E. (2024). Relativism of appraisal and states (based on the material of predicatives in Russian). In: *Russian Studies in Philology*, 2, 64–74. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-64-74 (in Russ.).
11. Zhang, J. (2023). Traditions of the Silver Age in the Poetry of Arseny Nesmelov. In: *Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 1, 178–185 (in Russ.).
12. Osipova, E. P. (2022). The Konstantinovo Dialect in the Poetic Works of Sergey Yesenin as an Attempt to Create a Literary Micro-language. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 1, 42–55. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-42-55 (in Russ.).
13. Savostina, D. A. (2010). *Categorization of subjectivity and emotionality in Russian literature of the first third of the twentieth century: forms of the predicative*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).
14. Gerasimenko, N. A. (2023). Mayakovsky's Values (Syntactical Aspect). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 8–17. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17 (in Russ.).

15. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the World of Man*. Moscow: Languages of Russian Culture Publ. (in Russ.).
16. Degtyareva, M. V. (2007). *Part-of-speech status of the predicative*. Moscow: Moscow State Regional University Publ. (in Russ.).
17. Kanafyeva, A. V. (2021). Interrogative modifications of one-part and two-part sentences in modern Russian. In: *Upper Volga Philological Bulletin*, 1 (24), 67–73. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-1-24-67-73 (in Russ.).
18. Kanafyeva, A. V. (2021). *Rhetorical utterance in the syntactic structure of the modern Russian language*. Moscow: Moscow Region State University Publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козловская Алёна Александровна (г. Санкт-Петербург) – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0000-0001-6199-6890>; e-mail: agafonova_2008@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alena A. Kozlovskaya (St. Petersburg) – Applicant for the Cand. Sci. (Philology), Department of Modern Russian named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;
<https://orcid.org/0000-0001-6199-6890>; e-mail: agafonova_2008@bk.ru